Разговор о елке

Ким Калатов не одобрил елку, выставленную на витрине магазина.

— Одна чепуха, — презрительно сказал он, — коробочки да шарики.

Однако для более тщательного обозрения полез под желанный обоюк витрины. Только его нос коснулся холодного стекла, как вдруг Ким почувствовал, кто-то легонько дергает его за рукав.

Обернулся. Перед ним стояла девочка в меховой шубке. Не выпуская его рукава, она смущенно спросила.

— Ты бедный?

— Нет... обыкновенный... Отец дворник, а мать прошвейница на обувной.

— Значит, у тебя елка будет?

— Ну, ясное дело.

— Я-а-ско, протянула девочка.

Ким хотел обозвать ее «жалуля-залиуля», но заметив на глазах девочки слезы, спросил:

— А ты бедная?

— Нет, — покачала головой девочка. Я тоже обыкновенная. Мой папа инженер. Я ищу бедного мальчика.

— Зачем?

— Мама прочитала книжку про бедного мальчика. У него не было елки. Он увидел в магазине елку и, «прильнув лицом к стеклу, стал глотать слезы». Я хотела такого бедного мальчика найти и пригласить к себе на елку. Увидела, что ты носом уперся в стекло... Ну, я подумала: вот бедный мальчик, он сейчас станет глотать слезы.

— Эх, ты,—строго сказал Ким.—Чепухой занимаешься. Таких мальчиков теперь нет. Что тебе царское время что ли? Попусту только жаркие дни потратила. Да ты что, к елке не готовилась разве?

— Нет, готовилась. Я учила стихи. Мама игрушки покупала.

— Об игрушках не только мамы должны заботиться, — деловито сказал Ким.—У нас ребята за две недели начали всякую ерунду собирать. А одна девочка даже старый фетровый ботик выпросила у матери.

— Неужели на елку вешать?

— Фу, какая ты бестолковая! С тобой пропадет пожатый! Из ботика можно сверей много наделать и валенки делу морозу.

— Неужели?

— Да. У нас в школе елка лучше всех, потому что много изобретателей.

— Мой папа тоже изобрел машину.

— Ну, это пустяковое дело. Теперь все машины изобретают, а ты вот попробуй на папа клоуна сделать, или на старых бессмертников землянику, или за отца пресыпку на грибы и яблоки — вот потруднее будет.

Девочка замолчала.

— У тебя дрова в сапогах есть?

— Нет.

— А «АНТ-25»? А спящая царевна? А Дворец Советов? А лыжники?

— Нет.

— Вот и выходит, что ты сама бедная девочка. Пойдем-ка лучше со мне на елку.

А. ПАВЛОВА.

Воспитанники детсада № 18 у своей елки.

Фото БОГДАНЧИКОВА.

На фронтах в Испании

МАДРИД, 31. В опубликованной 30 декабря вечерок официальной сводке сообщается, что на центральном фронте в районе Аранжуэс разведывательная группа, действующая с большим успехом к югу от реки Тахо, застигла врасплох, обстреляла и обратила в бегство неприятельский сторожевой пост. Мятежники при этом понесли потери. Подобно тому, как это было несколько дней назад, эта группа с обычными для нее отвагой и ловкостью ворвалась в том же районе неприятельский склад из 25 вагонов, направляющийся к Талавере с войсками и грузом военного снаряжения.

В районе Гвадалахары правительственные части, которыми командует полковник Ла Калье, заняли пункт Атиенса (к северо-западу от Сигуэнсы).

На мадридском фронте день прошел спокойно.

ИТАЛО-ГЕРМАНСКИЕ ПЕРЕГОВОРЫ

ПАРИЖ, 31. Отмечая встречу итальянского министра иностранных дел Чиано с германским послом в Риме Гасселем, внешнеполитические обозреватели ряда газет заявляют, что Гассель угрожал усилением германской экспансии в Австрии в случае, если Италия не поддержит политику Германии в испанском вопросе. Руководители германской политики, пишет Табуи в «Эвр», отныне уверены в поддержке Италии. По сведениям Табуи, между Римом и Берлином достигнуто соглашение относительно формулы ответа на франко-английские предложения.

Табуи указывает, что позиция итальянского правительства вызывает сильное разочарование у французского министерства иностранных дел.

В аналогичном духе высказываются «Жур», а также и Пертинакс в «Эко де пари». Пертинакс указывает попутно, что, по мнению наблюдателей, за последние два дня усилилась отправка из Германии войска и оружия, предназначенных для испанских мятежников.

Касаясь позиции Германии и Италии в испанском вопросе, Эмиль Бюра в «Ордре» настаивает на необходимости проведения Англией и Францией твердой внешней политики. Если Гитлер и Муссолини позволяют себе все, пишет Бюра, то это об'ясняется политикой попустительства, которую проводили представители Англии и Франции.

Сегодня—первый этап всесоюзной переписи

1 января начинается первый этап всесоюзной переписи населения. С 1 по 5 января счетчики будут обходить каждый дом, каждую избу, каждую юрту, лично спросят всех граждан и предварительно заполнят переписные листы. Это делается для подготовки и облегчения работы счетчика в день всесоюзной переписи 6 января 1937 года. 6 января счетчик при вторичном обходе вычеркивает из списка тех, кто за это время умер или выехал в другой город или деревню, заполняя переписные листы на всех родившихся и вновь прибывших.

БЛЕСТЯЩИЙ ПРОБЕГ

ХАРЬКОВ, 31. Знатный машинист полтавского паровозного депо орденоносец Ицына встречает новый год блестящим успехом. На 30 декабря его паровоз уже сделал 47 тыс. километров пробега, не заходя в депо на промывку.

ПОПУЛЯРНОСТЬ СОВЕТСКИХ КИНОФИЛЬМОВ

Советские кинофильмы пользуются за границей большой популярностью. В истекшем году, помимо стран Западной Европы и Соединенных Штатов Америки, советские кинокартины демонстрировались в Китае, Аргентине, Мексике, Кубе, Канаде, Палестине, Иране, Монгольской Народной Республике, Сирии, Египте и др. Только в США советские художественные фильмы шли более чем в 60 городах на экранах 120 кинотеатров.

Большой успех имел в США, Франции, Чехословакии, Швейцарии и Китае фильм «Подруги». Также прекрасно был принят зрителями в США, Франции, Швеции, Испании, Бельгии и др. странах фильм «Мы из Кронштадта». Большой интерес вызвал в США и фильм «Сын Монголии». Национальное об'единение кинокритиков в США отнесло фильмы «Мы из Кронштадта» и «Сын Монголии» к числу 10 лучших иностранных фильмов сезона. Из советских кинокартин более ранних выпусков за границей до сих пор не сошли с экрана «Чапаев», «Юность Максима», «Новый Гулливер» и «Путевка в жизнь».

В 1936 году за границу было вывезено 32 художественных фильма. Советская кинопродукция демонстрировалась в кинотеатрах 34 стран.

В ЦИК'е Союза ССР

За особые заслуги в деле борьбы с контрреволюцией ЦИК СССР наградил тов. **Серебрянского Я. И.** орденом Ленина.

За заслуги в деле развития кинематографического искусства, выразившиеся в создании кинофильма «Мы из Кронштадта», тт. **Вишневский В. В.** и **Дзиган Е. Л.** награждены орденами Ленина.

За заслуги в деле развития кинематографического искусства и создание ряда советских песен, ставших достоянием широких масс, ЦИК СССР наградил орденом **Трудового Красного Знамени** композитора **Дунаевского И. О.** и поэта **Лебедева-Кумача В. И.**

О прошлогоднем

Итак, сегодня новый год. 1937-й. Но значит ли это, что события, имевшие место в 1936 году, потеряли свое значение, свою злободневность, значит ли это, что они сошли со сцены истории и поэтому перед ними можно опустить занавес и забыть о них.

Нет. И поэтому, ничуть не желая омрачать праздничного настроения нашего читателя, мы напоминаем ему о некоторых фактах из богатого событиями 1936 года.

Предлагаю сегодня жирное
собачье мясо
Мясная лавка
Пауль КРИСТОФА,
Веберштрассе, 27.

Это многоговорящее об'явление заимствовано нами из германской газеты «Цитгауэр моргенцейтунг». Видимо, не особенно блестящие дела в третьей империи, если приходится рекламировать собачье мясо.

Незавидны дела в гитлеровской Германии. Пушки—пушками, танки — танками, а народу есть надо. Но с продуктами с каждым днем все труднее и труднее. А на одних разговорах об избранности немецкой расы и на туманных обещаниях далеко не уедешь.

Правда, некоторые авторитетные круги утверждают, что Германия в области пищевкусовой промышленности стоит на грани величайших открытий, призванных раз и навсегда покончить со всем тем, что хотя бы в отдаленной степени напоминало призрак голода. Так, лондонский журнал «Юморист» сообщает, что в Германии изобретена новая оригинальная разновидность сосисок—сосиски без кишки. Сейчас научная мысль лихорадочно работает над тем, чтобы поставить на широкую ногу производство сосисок только из одной кишки, без содержимого.

Менее юмористически настроенная немецкая газета «Цайтшрифт фюр фольксэрнерунг» предлагает «открыть принудительные курсы кулинарии, где обучали бы приготовлению рыбных или вегетарианских блюд по рецептам, не требующим применения жиров».

Помимо этих высоко научных изысканий и предложений в третьей империи усиленно разрабатывается проблема освоения природных богатств... Украины, Уральских гор и Сибири.

Цветущая Украинская республика, неисчерпаемые ценности Уральских недр, огромные просторы богатой Сибири лишают сна и покоя ф-на Гитлера и его верных приспешников.

— О, если бы, — как-то патетически воскликнул фюрер германского фашизма, —нам принадлежали Уральские горы, Сибирь и Украина с ее пшеницей, Германия утопала бы в изобилии.

Но потом Гитлер спохватился. Он понял, что в пылу неумного усердия обмолвился лишнее. Надо было сказать положение. В качестве спасающего выступает германская печать. Она в речи Гитлера производит некоторые... географические перестановки и преподносит читателю ставшие явными тайны германского империализма в несколько иной, не лишенной оригинальности редакции:

«Если бы Уральские горы, Сибирь и Украина находились в Германии, мы утопали бы в изобилии».

На Дальнем Востоке с Гитлером перекликаются его японские друзья и единомышленники.

Потрясая небом, задыхаясь от звериной ненависти к Советскому Союзу, журналист Бурода, разоблачающий японского генерального штаба, «...с точки зрения высокой морали политики по отношению к Советскому Союзу, который является общим врагом человечества, может существовать только политика—политика оттеснения в скованные льдом районы Севера».

Дальше в своих литературных лекциях японский борзописец советует, как осуществить политику «оттеснения СССР в скованные льды Севера». Он, пропагандируя «необходимость заключения соглашения с иными державами», доказывает, «необходимость мыслима лишь, если в осуществлению железной воли Японии, направленной в Азию, СССР в скованные льдом районы Севера».

Одним словом, г. Бурода, гражданам СССР общество бедствий. Трогательная забота Бурода о месте жительства советских граждан истинно безгранична... по своей наглости.

Из общности интересов японских и германских захватчиков родилось германское военное соглашение, заключенное 25 ноября на широкой «антикоминтерновской политической сотрудничества».

Вскоре с Японией подписывает соглашение Польша, но уже о «культурном сотрудничестве».

Культурный обмен между двумя государствами — безусловно ценный в истории борьбы человечества за культуру, но по откровенному признанию японских кругов, оказывается, «соглашение на путь культурного сотрудничества с Польшей толкнуло... общая граница между СССР и Польшей».

Как говорят, комментарии излишни.

* * *

Несколько дней в Англии царило чрезвычайное возбуждение. Что же смутило покой благородных английских лордов, привело хладнокровных английских джентльменов из состояния хуленного равновесия.

Не очередное ли нарушение невмешательства в испанские дела со стороны Германии, Италии и Португалии вызвало это возбуждение?

Нет. Источником всего этого необычайного волнения послужило желание бывшего короля Эдуарда заключить брак с дважды разведенной американской гражданкой Уоллис Симпсон.

Эта затея, как известно, закончилась «спором» Эдуарда с «работы» английского короля и разжалованием его в лорды герцоги.

Что же касается испанских дел, то английские лорды на сей счет сохраняют полное молчание. У Англии, в отличие от Франции существует своя точка зрения на счет невмешательства в испанские дела. По мнению министров иностранных дел Англии и Франции—Идена и Изоара, боялся вмешаться в испанские дела, чтобы не вызвать пожар мировой войны. Это опасно для дела мира. И поэтому вслед за лондонским комитетом «по контролю за применением соглашения о невмешательстве в испанские дела» не вмешиваются, так, как этого требуют действительные интересы борьбы против фашизма.

Присутствуя при пожаре, они не тушат его, доказывая, что попытка потушить маленький пожар может привести к большой. У пожарников, как у всех здравомыслящих людей, подобные теории, связанные с локализацией пожаров, вызывают чувство законного негодования за судьбы мира.

Г.

В. ЕГИН.

ТРОИКА, ПТИЦА—ТРОИКА

[illegible] вемтоцной птицей-тройкой сравнивала Русь. «Чудным звоном заливался колокольчик; трещит и становится [illegible] разорванный в куски воздух; летит [illegible] ни есть на земле».

[illegible] тройка и, словно [illegible] проносятся мимо годы в [illegible] снежной пыли, мелькают знакомые лица, новогодние встречи...

[illegible] «Татьяна любопытством [illegible] нос потопленный глядит: [illegible] пестрым узором ей что-то чудится»... «чу...снег хрустит:.: прохожий; [illegible] к дому на цыпочках летит и [illegible] он слышит нежный свирельного [illegible]: Как ваше имя? Смотрит он и отвечает: Агафон» (Пушкин).

[illegible] нового 1810 года был блистательный бал у «екатерининского вельможи». Музыка, цветы, танцы, государь, вся [illegible] молодежь Петербурга» (Л. Толстой). Наташа Ростова впервые была на балу, впервые в жизни [illegible] Андреем Болконским. И [illegible] стал весело, как никогда в жизни.

[illegible] 1837 года было на новогоднем балу [illegible], сосланному Николаем I из Петербурга на Кавказ за негодующие стихи [illegible] смерть Пушкина. Бал. «При шуме музыки и плясок, при дивном шорохе затверженных речей, мелькают образы бездушных красавиц—приличьем стянутые маски» [illegible] грудь поэта накипает гнев: «О, как [illegible] точности сгустить резкость их и дерзко бросить им в глаза железный стих, облитый горечью и злостью».

[illegible] за возможность счастья в [illegible] Россия и «кнутом восточная мразь» Некрасова. Горькие стихи срываются с его губ: «Давно ли ликовал народ и радовался мир, когда рождался прошлый год при звуках чаш и лир? И чье суровое лицо лучом надежды не цвело? Но меньше ль видел он могил, дражды и нищеты? В нем первый день убийцей был какой-нибудь мечты: не пощадил он никого и не дал людям ничего».

Смешными и жалкими кажутся Курочкину, фельетонисту «Искры», остроумного журнала шестидесятых годов, споры безвольных и трусливых интеллигентов. В новогодней элегии (1861 год) Курочкин так описывает их дискуссии: «Крестьянам грамотность — вредна или добро? В семействе женщина — жена или ребро? Созрел ли к пище каждый рот? Бить или нет?

Так вопрошают новый год семь тысяч лет».

Но есть и новое. После 1861 года уходят дворянские гнезда из рук помещиков, продуваивают баре свои имения за границей. Коллежский советник Феденька, приняв к дяюшке с новогодним визитом, показывает ему телеграмму, полученную от матери из Ниццы:

Продавайте Россию, продавайте скорее, выжимайте деньги...

Правда, телеграф перепутал: речь шла не о России, а о «Пустоши Русиной», (а «Пустоши—лишние, только фигуру имения портит»), но какая символическая ошибка!

А реформы Александра II? О них, изливаясь, так пишет великий сатирик:

«Пришел и новый год. Пришел и, по обыкновению, новое счастье принес. Счастье пока еще не определилось, но надежд и уверенностей—более чем достаточно... С первого же дня газеты предпринимали ревизию старого года. Рассматривают его во всех смыслах и очень хвалят. Многое уже выполнено, а остальное—не замедлят. Во всяком случае и того, что уже сделано, уже достаточно, чтобы считать почву будущего подготовленной». (Салтыков-Щедрин).

И. Ф. Горбунов рассказывает, как встречают новый год.

«В зале, за карточными столами сидят мундиры и фраки...

— Что изволите сказать?

— Две черви.

— Пас!

— Пас!

— Две без козыря...

— Пас»...

Другой дом. «Блеск и роскошь... Веселые лица чокаются бокалами, целуются... С новым годом! С новым счастьем! Рука хозяйки начинает изнемогать от нанесенных ей поцелуев».

А девятилетний Ванька Жуков, отданный в ученье сапожнику, писал перед новым годом: «Милый дедушка, сделай божецкую милость, возьми меня отсюда домой, нету никакой моей возможности... Хозяин бьет чем попадя. А еды нету никакой»...

Голодному, забитому мальчику мерещилась прекрасная елка: «Милый дедушка, а когда у господ будет елка, возьми мне золоченый орех и в сетевый сундучок спрячь... Попроси у барышни Ольги Игнатьевны, скажи—для Ваньки».

Стой, лишай: мы в Курске! Черносотенная газета «Курская быль» (ее даже буржуазные юмористы прозвали «Курской гнилью») истерически борется с «еврейским засильем». Каких только страхов она не выдумывает! «Засилье» еврея-гимназистов на концертах. «Еврейское засилье» в коммерческом собрании. Евреи вытеснили всех ремесленников. Хозяйствующий перед Марковым 2, этим, как пишет газета, «доблестным и мужественным борцом против еврейского засилья», погромный листок ревностно организует приветственные телеграммы от черной сотни своему курскому «Соловью-Разбойнику». А попутно в переловой «Курская быль» яростно отбивает атаки другой курской газеты «Родная страна», которая осмелилась обвинить истинно-русский листок в непоследовательности: еврея травит, а об'явления еврейских фирм печатает.

«Курская гниль» тромпт, «Курские епархиальные ведомости» слепо хаживствуют. Ничего не хочет дать трудящимся царское правительство и курский архиерей Стефан щедро желает им на 1914 год счастья... «на новом небе и новой земле», а некий Дмитрий Горохов расписывает шестым пальцем, что «счастье отнюдь не зависит от перемены общественного строя». Еще бы попом желать изменения царского строя!

Епархиальный поэт в слащавых стишках призывает забыть классовую борьбу: «Куряне добрые! Как братья, забывши громы непогод, откроем мы свои об'ятья друг другу крепко, без об'ятья на признак общий—новый год».

Так и вспоминаются слова попа из революционного плаката: «Все люди братья —любви с них брать я».

На фронте в окопах мерзнут солдаты. Разруха и голод расшатывают устои монархии Николая II, а сам Мальцев, сидя в глубоком тылу, лицемерно пишет: «А вы, воины-страдальцы, простите нас, сытых и в тепле находящихся. Когда пробьет и наш час, верьте, грудью станем за родину, отстоим ее славу и независимость».

Если эти попы Мальцевы и «станут грудью», то за великодушейцев.

Мчись, мчись, тройка, вперед!

Вечер 31 декабря 1919 года. Поезд стоял в Одессе. Дальше поезду никуда было итти. Разбитый белый генерал А. М. Драгомиров и бежавший из Киева редактор В. В. Шульгин, сидя в этом поезде в новогоднюю ночь, меланхолично разбирали причины своего крушения.

Отчего мы не в Орле? Спрашивали они сами себя. Отчего «белые орлы» бежали от Орла тысячу верст до самого Черного моря? Отчего, по признанию самого Шульгина, вместо «Взвейтесь, соколы, орлами» про деникинскую армию надо бы петь «Взвейтесь соколы... орлами»?

Стрелка подошла к 12. И мы, «главнокомандующий областью»—без области и редактор «Киевлянина» — без Киева, чокнулись... вспоминает Шульгин.

Южный город в годы гражданской войны. Белых сменили красные. Обыватели жили распродажей старых вещей, тащили «буржуйки» мебелью и книгами. «Леди Макбет встала в пламени, Король Лир плакал в трубе. Горящий кусок буфета бушевал, как мавр в огненном плаще, повисла сверху, над ним, жарилась постная лепешка, желтая, как Дездемона». (Вера Инбер).

Однажды в квартиру пришли два матроса. Видя сожжение книг, матрос тут же написал чернильным карандашом приказ на измятой бумаге:

— Александра Пушкина не жечь. Николая Гоголя не жечь. Михаила Лермонтова не жечь тоже...

Бывшие люди собрались встречать новый год в складчину: кто принес новый спирт из университетской лаборатории, кто—мерзлый картофель, кто—лук, кто—деньги. И журналист Перебийнис, бежавший из Киева, предложил поднять бокалы за:

— Я пью за традиции, в которые за букву ять... С новым годом, с новым счастьем!

[illegible] отброшены в небытие жалкие «рыцари буквы [illegible]», [illegible] вычеркнуты из списка живых своей мертвой буквой!

* * *

«Русь, куда ж несешься ты? Дай ответ. Не дает ответа»,—писал Гоголь.

Но теперь мы знаем, куда несется птица-тройка. Она пронеслась по тропам кровавой России, «за поворотом широкую дорогу Революции и, сквозь ливни и бури гражданской войны, стремится к новому, коммунистическому обществу».

Какие славные этапы на ее пути. Первая пятилетка в гиганте сила, мощной электростанций, мощные гиганты индустрии, тысячи МТС, обобщенные массовые колхозы. Новые, невиданные города, выросшие в пустынных степях. Вторая пятилетка с ее пафосом основания, с ее массой замечательных сталинцев. Сталинская Конституция, [illegible] новые эпохи [illegible] Мечта тысячелетий—социализм, [illegible] яркой действительностью.

И радостный новый 1937 год. Год, еще более могучего расцвета [illegible], еще более красочного [illegible] счастья [illegible] освобожденных [illegible].

Зам. отв. редактора А. ЧЕРНОГЛ[illegible]

Уполн. облита Ф. 23074. Курск, гостипография им. К. Маркса, Золотая, 15. тел. № 2-09. Тираж 70.000